

**ГУМАНИТАРНАЯ
ЭКСПЕРТИЗА**

**Крокинская
Ольга**

**Константи-
новна** —

доктор социологи-
ческих наук. E-mail:
krokinskaya@mail.ru

**Окладникова
Елена**

Алексеевна —
доктор историче-
ских наук. E-mail:
okladnikova-ea@
yandex.ru

Авторы работают на кафедре социологии и религиоведения факультета социальных наук Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург). В журнале “Человек” публикуются впервые.

“КНИГИ, КОТОРЫЕ НАС ИЗМЕНИЛИ”

©2017

*О.К. Крокинская,
Е.А. Окладникова*

В мае 2015 года в Санкт-Петербурге проходил 10-й международный книжный салон. По сообщениям организаторов, салон посетили более 200 тыс. человек, среди которых были и петербуржцы, и гости города. В работе салона участвовали представители 20 стран и 14 регионов Российской Федерации, их музеи, библиотеки, книготорговые компании и учебные заведения. Участвовал в нем и Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. При помощи и поддержке Санкт-Петербургского библиотечного общества и Библиотеки им. В.В. Маяковского студентами кафедры социологии факультета социальных наук РГПУ было проведено социологическое исследование на тему “Книги, которые нас изменили”¹.

Несколько лет назад общая картина чтения в России была фундаментально изучена авторским коллективом Левада-центра [1]. Материалы этого исследования нередко публиковались под заголовком “Катастрофа чтения”, то есть оценивались как свидетельство серьезной социальной и культурной проблемы. Ее основными признаками оказались:

- сокращение доли постоянных читателей газет, журналов и особенно книг (доля взрослых россиян, вообще не читающих книги, приближалась к 50%);
- изменение содержания чтения: смещение интереса от высоких жанров художественной литературы к массовой жанровой беллетристике (детектив, боевик, любовная проза, историко-авантюрный роман);
- доминирование телесмотрения и развлекательных жанров над чтением, формирование вкусов также массовыми сериальными жанрами;
- изменение структуры доступа к качественной литературе, упадок библиотек, отсутствие экспертных рекомендаций;
- неоднозначное, с признаками как позитивного, так и негативного, влияние Интернета на характер чтения.

В общесоциальном смысле это могло повлечь за собой (и к настоящему времени повлекло) культурное расслоение и раскол макросоциума, снижение интеллектуальных запросов, утрату ценностных (культурных, моральных) ориентиров и погружение в асоциальность, а вместе с другими стимулами ситуации — деформацию институтов культурного воспроизводства, снижение качества образования и т.д.

Вместе с тем нет никаких оснований красить изучаемое явление исключительно черной и серой красками. Люди читают. И, как показала работа Санкт-Петербургского салона, Московского книжного фестиваля и других, в том числе региональных, книжных форумов, такие акции привлекают большое число заинтересованных участников, а значит книга и чтение отнюдь не исчезли из круга культурных запросов наших граждан. Эти позитивные факты следует изучать не менее пристально, чем негативные. Без них картина чтения в России будет неполной и недостоверной.

В нашем проекте работа Книжного салона дала возможность обратиться к мнению аудитории, обычно растворенной в массовых опросах: любителям книги, людям с ясно выраженной ориентацией на чтение, носителям ценностей книжной культуры, чей образ жизни включает активные читательские практики. Постановка задачи проекта позволила заглянуть в область непосредственных влияний литературы, книги и чтения на складывание жизненного пути и внутреннего мира читателя.

Как уже было сказано, проект был выполнен методом полуструктуризованного интервью, которое, однако, не исключало для респондентов возможности комментировать свои ответы. Отчасти это восполнило невозможную из-за недостатка времени глубокую проработку темы качественными методами. Статус исследования определялся как кейс-анализ, поэтому репрезентативная выборка не потребовалась, да и вряд ли была возможной. Опрос происходил в огромном помещении бывшего конного манежа размером с хороший стадион, в котором вдоль “книжных аллей” текли “броуновские” потоки посетителей. Мы благодарны всем, кто согласился ответить на нашу анкету и составил, таким образом, выборочную совокупность “доступных случаев”.

По роду занятий в выборку вошли в основном высококвалифицированные специалисты разных областей деятельности: преподаватели вузов, учителя, врачи, инженеры, научные сотрудники, менеджеры, журналисты, писатели, библиотекари, представители творческих профессий (художники, дизайнеры), а также профессионалы книжного дела — издатели и редакторы. Всего было опрошено 116 человек, среди которых — 79% женщин и 21% мужчин. Примерно две трети опрошенных оказались жителями Санкт-Петербурга, треть — гостями города. Возрастной спектр составил 13–75 лет, с пре-

*О. Крокинская,
Е. Окладникова*
“Книги, которые
нас изменили”

Работа выполнена при финансовой поддержке РФГФ; проект № 16-06-00915.

¹ Исследование осуществлено под руководством авторов статьи. Соавторами проекта стали студентки (на май 2015 года) 3-го курса РГПУ Е. Авхимович и И. Смирнова, в опросе также участвовала К. Жукова. Опросник является продуктом совместной работы авторов.

обладанием молодого возраста — 18–35 лет (56%). Большинство опрошенных имели высшее образование и ученую степень (53 и 3% соответственно), лица со средним специальным образованием (техникум, колледж) составили 10%, а студенты и школьники — еще 14 и 18%. Далее представим основные результаты исследования.

Читательские предпочтения участников опроса оказались различными и зависели от возраста последних. Подростки, как и ожидалось, предпочитают в основном приключения и фантастику (79 и 71% ответов соответственно); видимо, только они читают комиксы (29%) и небольшая их доля — любовные романы, триллеры и детективы, научную и научно-популярную литературу (по 14% для каждого вида). Молодые люди (18–29 лет) и люди среднего возраста (30–49 лет) имеют наиболее широкий спектр читательских интересов. Им не чужды и подростковые увлечения (приключения, фантастика, мистика), но доля их приверженцев постепенно снижается до 25–35%. Зато у данных возрастных групп повышается свой статус в структуре чтения научная и научно-популярная литература, а также исторические повести и биографии (в диапазоне ответов примерно на 20–40%). Неожиданно узкий профиль чтения продемонстрирован старшей возрастной группой. С интересами, сосредоточенными вокруг исторических сочинений, мемуаров и биографической литературы (35–15% соответственно), данная группа выглядит весьма консервативно. Впрочем, чаще других респонденты этого возраста в качестве дополнения к вопросу нередко сообщали, что с удовольствием читают все жанры из предложенного списка, то есть фактически не имеют предпочтений.

Картину литературных пристрастий дополняют интересы опрошенных в области литературных жанров — прозы и поэзии, отечественной и зарубежной. Эти интересы выражены достаточно определенно. Приоритет принадлежит отечественной литературе, особенно ее классическим формам (36–39%), тогда как зарубежная классика, проза и поэзия, привлекает 17–29% опрошенных. Но абсолютно преобладающим место отечественной литературы назвать нельзя. Зарубежная проза набирает очки по градациям *предпочтение современных произведений* (19%) и *равная приемлемость как классики, так и современности* (43%). За счет этих позиций доля присутствия отечественной и зарубежной литературы в структуре чтения опрошенных почти выравнивается. Относительно более низкий интерес фиксируется по отношению к поэзии. Не испытывают интереса к отечественной поэзии 13 и к зарубежной — 25% опрошенных.

Зачем люди читают? Чего ждут от общения с книгой? В общем, читают ради удовольствия — интеллектуального, эстетического, эмоционального; чтобы заполнить досуг, посидеть в кресле, отдохнуть, расслабиться; ради развлечения

и отвлечения от реальности; чтобы скоротать скучное, пустое время, например, в дороге на работу и с работы каждый день от одного до двух часов, а то и дольше; но также ради познания, из чувства интереса, чтобы узнать что-то новое, полезное, найти ответ на тревожащие вопросы — о себе, семье, делах, стране и т.д.

В наши дни многие авторы прагматично ориентируют свои труды на перечисленные запросы. Другие просто творят, и их творчество создает множество заранее не предусмотренных ситуаций. Читатель листает страницы ради удовольствия, а ему тем временем “подбрасывают” какие-то ценности, идеи, загадки, проблемы, знания, модели поведения, философии и т.д. Он случайно, ради времяпровождения, берет первую попавшуюся книжку с лотка, — а потом на обложке находит имя автора, чтобы восхвалить его или заклеить. И со временем у читателя складываются определенные ожидания от самого занятия чтением, он научается судить о том, каким оно должно быть, чтобы занимать место в личной жизни человека и в целом в культуре. Вот почему мы можем спросить такого читателя о его оценке книги как собеседника и наставника.

На вопрос о том, должна ли книга транслировать какие-то ценности или идеи, в исследовании получен недвусмысленный ответ: да, должна. Это мнение ясно выражено во всех возрастных группах — от 71% ответов у подростков до 95% в старшей возрастной группе.

Материалы проведенного исследования не позволяют судить о том, какие это должны быть ценности, а также утверждать, что запрос на ценностный характер содержания литературы по мере взросления читателя “растет”, поскольку неизвестно, что будут думать об этом сегодняшние подростки, ибо им еще надо понять, что такое человеческие ценности и разобраться в устройстве мира на их основе. Однако факт связи между возрастом и ценностными ожиданиями от чтения очевиден.

Ценностные ожидания вовсе не направлены у опрошенных на поиск идеальных образцов. Ряд вопросов анкеты касался именно этой стороны дела и исходил от студентов, то есть возник в молодежной среде. Таковы вопросы о морали — большие вопросы современного общества, поставленные в контекст литературы и чтения как базовых инструментов культуры. На прямо поставленные вопросы участники исследования дают однозначные ответы: “Должна ли книга учить только моральному поведению?” — определенное “Нет” (62% в целом по выборке); “Может ли главный герой совершать аморальные поступки и при этом оставаться привлекательным?” — определенное “Да” (42%, а в сумме с вариантом “скорее всего, да” — 71%).

Но ведь констатировать привлекательность порока мало. Надо еще разобраться, почему это происходит. Почему Григорий Печорин любим читателями? Или только читательница-

ми? За что его любить — сердцеда, обманщика, манипулятора и в конце концов убийцу? За то, что хорош собой, романтичен и демоничен? За то, что переживает свою никчемность в этом мире? Эпоха постмодерна легко приемлет неразборчивость в вопросах добра и зла, смешение, аберрацию добра и зла, но мы слишком хорошо знаем разрушительные последствия такого морального релятивизма, чтобы пройти мимо столь ясно выраженного социально-этического факта.

Приходится признать, что в контексте поставленной проблемы возникает немалое число вопросов, адресующих дальнейшие исследования уже фундаментальной науке:

■ Что артикулируется в рецепции литературных смыслов, а что проходит мимо незамеченным, то есть цензурируется личным и культурным бессознательным?

■ Что в данных оценках идет от понимания сложности человеческой природы, а что — просто от заученных для ЕГЭ и недостаточно осмысленных школьных уроков?

■ Что в них от уже привычной и парадоксально примитивной констатации сложности окружающего мира, а что — от постмодернистского разрушения критериев, отказа от четкого разграничения добра и зла?

■ Что от возросшей ныне психологической грамотности людей и рефлексии своего собственного неоднозначного опыта, а что — от свойственного русской культуре манихейства, утвердившего установку на амбивалентность добра и зла задолго до постмодерна [2]?

Так или иначе, мы видим, что читателям всех возрастных групп свойственно отрицание жестких моральных предписаний и понимание невозможности однозначных интерпретаций поступков человека.

К этому же классу оценок относятся ответы на сложный вопрос, дискуссии о котором не утихают: “В какой степени сведения о личности автора влияют на восприятие его произведений?” В данном случае в материалах исследования также отчетливо видны возрастные различия. Наименее требовательна и наиболее терпима к возможной “поправке на личность” средняя возрастная группа, так называемые “молодые взрослые” (30–49 лет). Наиболее ригористичны респонденты старшей возрастной группы, и они, судя по их интересу к биографической литературе, в курсе возникающих по этому поводу проблем. Вместе с тем само различие позиций в заданном вопросе заставляет предполагать особую когнитивную работу читателя. Ведь если о личности автора известно больше, чем фотография на обложке и биографические данные в Википедии (а бывает известно много неоднозначного — ошибки, просчеты, колебания в мировоззренческой позиции, отношения с властью, болезни, мораль), и к тому же можно оценить собственно тексты их сочинений и их смысловой мир, то, скорее всего, это говорит о высоком уровне читательской грамотности

и культуре чтения, связанных со способностью рефлексивного отношения к чтению и различения статусов и позиций — писателя как реального человека, его авторской ипостаси и ипостаси героев его книг как воплощениям творческой демиургии автора.

Более того, знакомство с самими авторами, что сегодня стало доступным из-за готовности их общаться в социальных сетях и на встречах разного формата, может пробудить в читателе ранее неявно выражаемые чувства, сформировать и усилить эмпатию, заставить говорить более эмоциональным языком, побуждать к поступкам, не запланированным заранее. Все сказанное выше о читательских предпочтениях, ожиданиях, оценках и ценностях составляет контекст ответа на основной вопрос исследования — о книгах, повлиявших на внутренний мир читателей или даже изменивших их жизнь, как это было сформулировано в вопросе интервью.

Прежде всего абсолютное большинство опрошенных во всех возрастных группах согласилось с тем, что книга и чтение могут не только дать человеку какие-то новые знания и впечатления, но и изменить что-то существенное в нем и его жизни. В целом по выборке так ответили 97% опрошенных, в подростковой и старшей группе — 100%. Относительно периода жизни, когда это может произойти, у респондентов имеется тоже достаточно общее представление — в любом возрасте (70% в целом по выборке, 95% в старшей группе и порядка 65% в остальных). А о том, что это может произойти преимущественно в детстве, говорят сами дети (14%) и представители поколения их родителей (9%); еще одним периодом для таких изменений названа юность (15–30% ответов в разных группах). Примечательно, что старшая возрастная группа, для которой юность уже позади, не закрывает для себя возможностей измениться под влиянием книги. Просто она смещает свою оценку в категорию “в любом возрасте”, выбирая ее в 95% случаев. Иными словами, читатели подтверждают способность человека стать другим под воздействием сильных культурных стимулов и смыслов.

Всего на вопрос “Можете ли вы назвать книгу (автора, жанр, серию книг), которая изменила вашу дальнейшую жизнь?” получено 88 ответов, указаны 74 неповторяющихся названия. Приведем полный список названных произведений (по алфавиту):

Антология сетевой литературы	Беляев А. (без названия)
Барт Р. “Парижские вечера”	Берн Р. “Тайна”
Бах Р. “Чайка по имени Джонатан Ливингстон”	Берн Э. “Игры, в которые играют люди”
Бегбедер Ф. “99 франков”	Берроуз У. “Голый завтрак”

* Здесь и далее в аналогичных случаях в скобках указано число упоминаний.

- Библия (5)*
- Бредбери Р. “Вино из одуванчиков” (2)
- Бруштейн А. “Дорога уходит в даль”
- Булгаков М. “Мастер и Маргарита” (2)
- Вербер Б. “Муравьи”
- Война глазами детей (без автора)
- Вуйчич Н. “Жизнь без границ”
- Гессе Г. “Степной волк”
- Гилберт Э. “Есть. Молиться. Любить”
- Гиппенрейтер Ю. Все книги (2)
- Голдинг У. “Повелитель мух”
- Гранже Ж.-К. Детективы
- Грин Дж. “Виноваты звезды”
- Гроссман В. “Жизнь и судьба”
- Дали С. “Дневник одного гения”
- Довлатов С. (без названия)
- Достоевский Ф. (2)
- Дрейпер Ш. “Привет, давай поговорим”
- Дуплякина О. “Как стать завидной невестой”
- Зеланд В. “Пространство вариантов”
- Ильина Е. “Четвертая высота”
- Каверин В. “Два капитана”
- Кафка Ф. “Превращение”
- Кервуд Дж. “Долина безмолвных великанов”
- Классика XIX–XX веков
- Кох А. (без названия)
- Крамер С. “50 дней до моего самоубийства” (2)
- Кузнецов А. “Бабий Яр”
- Кундера М. “Невыносимая легкость бытия”
- Легкий способ бросить курить (без автора)
- Лермонтов М. “Герой нашего времени” (2)
- Лондон Дж. “Белый клык”, “Мартин Иден” (2)
- Льюис К.С. “Хроники Нарнии”
- Монтгомери Л. “Аня из зеленых мезонинов”
- Мопассан Г. де (без названия)
- Мураками Х. “Норвежский лес”
- Набоков В. “Лолита”
- Несс П. “Голос монстра”
- Оруэлл Дж. “Фунты лиха в Париже и Лондоне”
- Осеева В. “Динка”
- Остин Дж. “Доводы рассудка”
- Ошо (Раджниш). “Пустая лодка”
- Парр М. “Вафельное сердце”
- Петросян М. “Дом, в котором”
- Распутин В. “Последний срок”
- Ремарк Э.-М. “Триумфальная арка” (2)
- Рубина Д. (без названия)
- Сент-Экзюпери А. “Маленький принц”
- Солженицын А. “Архипелаг ГУЛАГ”
- Спарк Н. “Дневник памяти”
- Твен М. (без названия)
- Толстой А. “Буратино”
- Толстой Л. “Воскресение” (2)
- Трэверс П. “Мэри Поппинс”
- Тургенев И. “Отцы и дети”
- Улицкая Л. (без названия)
- Фадеев А. “Молодая гвардия”
- Фоер Дж. “Жутко громко и запрительно близко”
- Фолкс С. “И пели птицы”
- Форман Г. “Если я останусь”
- Харрис Дж. “Шоколад”, “Леденцовые тувельки”, “Персики для месье кюре”
- Хокинг С. “Вселенная Стивена Хокинга”
- Хоссейни Х. Проза
- Шекли Р. (без названия)
- Шекспир. “Гамлет” (2)

Шолохов М. “Тихий Дон”

Как видим, мир индивидуальных литературных контактов читателей оказался чрезвычайно разнообразным. В нем практически нет никаких трендов, кроме самого по себе многообразия и изменчивости во времени, коррелирующих с принадлежностью к тому или иному поколению и тем самым с рефе-

рентной для них личной и культурной ситуацией.

За исключением небольших совпадений по наименованиям и авторам пространство влияющего чтения в высшей степени разнообразно по жанрам и родам литературы, идеям и странам происхождения. Чтению присуща возрастная динамика: расширение в периоды взросления и сужение в периоды с вектором к старению. Его ареал коренным образом отличается от ареала массового “чтения вообще”, о котором мы узнаём из больших опросов. Иначе мы получили бы заведомо стереотипное и сомнительно релевантное перечисление: Пушкин, Лермонтов, Есенин, “толстоевский”... Вместе с тем при всем различии масштабов даже наша маленькая выборка улавливает некоторые точки соприкосновения с результатами больших проектов и позволяет говорить о них как о современных константах:

- высокий удельный вес иностранной литературы в структуре чтения у тех, для кого это привычный образ жизни;
- не слишком высокий интерес к поэзии на данном фоне;
- некоторый налет элитарного снобизма у части литературно ориентированного сообщества;
- отчетливая сегментация пространства чтения, разбивающая его на группы, достаточно изолированные друг от друга в культуре.

Перечисленные общие черты разных исследований позволяют думать, что в нашем случае мы имеем дело не с артефактом, а с некоторыми устойчивыми характеристиками феномена современного чтения и что полученные данные можно использовать для его концептуализации.

Какие же изменения заметили в себе наши респонденты при прочтении названных ими книг? Полученные ответы заполнили все пространство предложенной анкетной шкалы, а сделанные дополнения были несущественны. Согласно мнению опрошенных, это главным образом *мировоззрение, позиция* — в целом по выборке 46% ответов, *понимание людей* — 42%, *знания об устройстве мира, общества, человека* — 30% и *отношение к своей стране* — 12% ответов.

Групповые особенности эффектов влияющего чтения также хорошо заметны. Отметим их основные акценты. Ярко выраженный акцент, доминанта всей системы влияний — это значение позиции *понимание людей* для подростковой группы — 64% от ее численности и 86% от числа ответивших на вопрос о наличии сильно повлиявшей книги. В подростковый период у подавляющего большинства людей развивается социальный интеллект, важнейшими элементами которого являются коммуникативные навыки, социальная перцепция, социальные мышление и воображение, социальные прогнозирование, эмпатия, регуляция и интуиция, то есть все то, чему учат книги, упомянутые нашими респондентами-подростками в качестве книг, которые изменили их жизнь. Вот почему полученный ре-

зультат есть, на наш взгляд, свидетельство высокой потребности подростков в освоении мира человеческого разнообразия и одновременно сильнеешего сенситивного голода в этом отношении при слабой возможности его удовлетворить.

Другой заметный тренд — рост *мировоззренческого влияния* книг, а значит, и интереса к этому уровню познания по мере достижения все более зрелого возраста. Для старшей группы на фоне остальных яснее выражен запрос на *обобщенное видение социума и отношение к стране в целом*.

Мы задавали респондентам и один из самых актуальных для книжной индустрии вопросов — о предпочитаемом формате книг. Абсолютное большинство опрошенных (88–94% в разных возрастных группах) предпочитают бумажную книгу всем остальным ее сегодняшним ипостасям — электронной, аудио, он-лайн. Это довольно неожиданный результат, если учесть моду на гаджеты, дороговизну книг, узость ассортимента книжных магазинов в нестоличных регионах, ослабление сети библиотек и трудности их комплектации. Возможно, причина кроется именно в том, что участниками Книжного салона стали любители чтения и профессионалы книги, да и случайные люди могли убедиться, как это празднично красиво и эмоционально ценно, когда книгу можно полистать, рассмотреть иллюстрации, подержать в руках настоящее произведение искусства, плод человеческого труда, а не математической программы. Может быть, именно поэтому большинство опрошенных считают, что чтение можно и нужно сделать модным занятием, особенно если общество озабочено тем, чтобы вернуть интерес к чтению в число повседневных поведенческих практик (стабильные 70–75% ответов во всех группах). С их стороны это не голословное утверждение ради демонстрации своей “культурности”, люди объясняют свою позицию тем, что видят кардинальное отличие чтения как интеллектуальной работы с текстом от его прослушивания или экранизации.

В итоге можно сделать следующие выводы.

Наша небольшая выборка все же уловила некоторые константы, общие с результатами больших исследовательских социологических проектов в области социологии чтения. Среди таких устойчивых позиций можно назвать следующие: высокий удельный вес иностранной литературы в структуре чтения у тех, для кого это привычный образ жизни; не слишком высокий интерес к поэзии на этом фоне; некоторый налет элитарного снобизма у части литературно ориентированного сообщества; отчетливая сегментация пространства чтения, разбивающая его на группы, достаточно изолированные друг от друга в культуре.

Еще один значимый результат исследования — это выявленный факт признания читателем неоднозначного героя. Нашим информантам оказалось свойственно отрицание жестких моральных предписаний и понимание невозможности одно-

значных интерпретаций поступков человека, что говорит о смене черно-белых ценностных ориентаций морального сознания ценностями релятивистского типа.

Закреплен и концептуально представлен феномен “влияющего чтения”. Большинство опрошенных признали его для себя и сочли возможным сообщить, на что именно повлияла в их жизни та или иная книга. Они также продемонстрировали хорошее понимание развивающего эффекта чтения, сформулировав по данному поводу немало компетентных позиций.

Выявлен высокий уровень разнообразных литературных произведений, повлиявших на какие-либо обстоятельства жизни опрошенных и значимые для них понятия. В этом списке не обнаружено никаких трендов, кроме самого по себе многообразия и изменчивости во времени.

Несмотря на то, что опросы фиксируют охлаждение российского населения к чтению, нами получены результаты, заставляющие предполагать, что публика еще не скоро потеряет интерес к бумажной книге и содержательному, развивающему, порождающему мысль чтению. Интерес к чтению препятствует становлению массовой практики “клипового мышления”, не позволяющего человеку мыслить логически и последовательно.

Чтение — один из самых простых и доступных способов развития именно понятийного мышления, о чем говорят нам и специалисты, и сами читатели. Чтение как вид интеллектуальной работы, необходимой для познания и самопознания, как средство развития личности и мышления ничем заменить невозможно. Признавая уместность и перспективы новых форм репрезентации действительности, в том числе клиповых, мы должны восполнять и балансировать смещения в процессах развития, которые несут с собой разнообразие и впечатляющая сила новых ресурсов рецепции и коммуникации с внешним и внутренним, личностным миром. Старое доброе чтение нам всем здесь в помощь.

В предпоследний день работы Международного книжного салона состоялась презентация результатов исследования. Студенты кафедры социологии РГПУ им. А.И. Герцена представили публике полученные данные, вызвав интерес посетителей салона не только темой работы, но и ее результатами.

Литература

1. Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Чтение в России — 2008. Тенденции и проблемы. М.: Межрегион. центр библиотеч. сотрудничества, 2008.
2. Яковенко И.Г., Музыкантский А.И. Манихейство и гностицизм: культурные коды русской цивилизации. М.: Рус. путь, 2010.